

О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ TO LEKTON В ФИЛОСОФИИ СТОИКОВ И SINN В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ Г. ФРЕГЕ

В. А. СУРОВЦЕВ

Томский государственный университет
surovtsev1964@mail.ru

VALERY SUROVTSEV

Tomsk State University, Russia

TO LEKTON IN STOIC PHILOSOPHY AND SINN IN G. FREGE'S SEMANTIC THEORY:
THE QUESTION OF THEIR RELATIONSHIP

ABSTRACT. The article deals with the Stoic category *to lekton* and G. Frege's category of *Sinn*. I explicate some formal features of these categories, which demonstrate the similarity of the Stoic and the Fregean logical theories, and develop some ideas related to this matter, previously expressed by B. Mates (1961). In particular, I demonstrate that the concept of "complete *lekton*" (*axiōma*) in the Stoic doctrine has the same structure as the concept of thought (*Gedanke*) in Frege's semantic theory. However, the formal structural similarity between *to lekton* and *Sinn* does not presupposes the ontological, epistemological and logical doctrinal similarities in these theories.

KEYWORDS: Stoic logic, *to lekton*, G. Frege, *Sinn*, semantic theory, *axiōma*, *Gedanke*, comparative studies, ancient and contemporary logic, B. Mates.

* Работа выполнена при поддержке Программы «Научный фонд им. Д. И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015 г.

С точки зрения современных подходов к логическим системам в их историческом развитии суть часто определяется не содержательным разнообразием, а сходством в понимании формальных структур логического вывода. Такой подход, например, демонстрирует Я. Лукасевич, рассматривая различие логики Аристотеля и логики стоиков, когда говорит о том, что в отличие от Аристотеля, логическая теория стоиков является не системой утверждений, а системой правил вывода (Лукасевич 2000, 92). В этом есть определённый смысл, поскольку у стоиков мы находим иной способ формализации рассуждений. В отличие от силлогизма, логика стоиков – это не логика терминов и способов их связи в целостные суждения, являющиеся истинными или ложными, и затем –

связь последних в умозаключения. Логика стоиков – это логика связи самих суждений, которые, будучи истинными или ложными, порождают новые истинные или ложные суждения. В этом отношении Я. Лукасевич вполне успешно проводит аналогию между логикой стоиков и современной пропозициональной логикой, родоначальником которой был Г. Фреге. Созданная Г. Фреге функциональная логика, частью которой является пропозициональная логика, с точки зрения Я. Лукасевича как раз и есть то, что было предвосхищено стоиками в логике вывода одних истин из других. Аналогичной точки зрения придерживаются и известные историки логики Уильям и Марта Нил, ссылаясь на стоиков, как на предшественников Г. Фреге в создании современной функциональной логики (Kneale & Kneale 1978, 516). Различия, между прочим, учитываются, но эти различия, поскольку рассматриваются с точки зрения сугубо формального подхода, относятся скорее к избранным способам формализации, нежели к существу дела. Так, например, У. Нил и М. Нил сосредоточены на различиях, касающихся обозначения терминов в простом атрибутивном суждении у Аристотеля, и функции и аргумента у Г. Фреге (Kneale & Kneale 1978, 517).

Однако структурный подход в компаративных исследованиях не всегда можно считать адекватным, хотя бы уже потому, что сходство структур, а структуры всегда формальны, зачастую не учитывают содержательного своеобразия. Речь в данном случае идёт о том, что связь терминов в аристотелевских суждениях и силлогизмах действительно весьма отличается от того, что Г. Фреге предлагает в своей функциональной логике, поскольку совершенно иначе понимается связь субъекта и предиката. В традиционной логике субъект и предикат суть понятия, т. е. общие термины, имеющие объем (класс подпадающих под понятие предметов) и содержание (совокупность определяющих этот класс признаков). Здесь субсумция предметов в субъекте определяется субординацией относительно предиката. В функциональной логике Г. Фреге мы находим совершенно иное. Здесь понятия субсумции и субординации не играют роли. Все зависит от истинностной оценки утверждения, которое состоит из единичного субъекта и общего предиката, который данный субъект может выполнить.

Тем не менее, формальное сходство между логикой стоиков и логикой, предложенной Г. Фреге, очевидно, есть. Логика стоиков может быть формализована и представлена в виде аксиоматической системы, аналогичной пропозициональной логике Г. Фреге. Более того, с точки зрения экспликации сугубо формальной стороны этой системы возразить нечего. Современная пропозициональная логика, развитая Г. Фреге, вполне соответствует формальной структуре логической системы стоиков (Котарбинский 2000, 45–48). Вопросы, однако, остаются. И самый главный из них заключается в следующем: Насколько структурное сходство связано с доктринальным сходством? Насколько формальные структуры, полученные посредством метода формализации, т. е. отвлечением от содержания, подкреплены, содержанием самой тео-

рии? Этот вопрос немаловажен. Действительно, структура такой дисциплины, как логика, – сугубо формальна. Здесь нечего возразить, если в различных философских теориях мы находим одни и те же, или очень сходные структуры, призванные представить формы рассуждений. Но в какой степени эти структуры мотивированы содержательно? Действительно, структуры – формальны, но формальное сходство не всегда может свидетельствовать о сходстве содержательных взглядов. К примеру, все при вычислениях используют арифметику, к тому же, её основное понятие, – понятие целого положительного числа, – формально достаточно сходно эксплицируется в рамках различных теорий множеств, но содержательная мотивировка, как понятия числа, так и понятия множества может сильно при этом различаться. Но различие подобных взглядов как раз и характеризуют философскую позицию.

Нельзя не согласиться в отношении стоиков со следующим замечанием: «Следует заметить, что существует опасность того, что историки логики, предлагая мастерский аппарат современной логики, могут, основываясь на его сходстве с рассматриваемой дисциплиной, затемнить, или даже исказить, историческое предприятие. Когда на взгляды прошлого смотрят с точки зрения современных доктрин, иногда слишком легко поддаются представлению о 'сходстве' теории в её истории и представить кого-то предшественниками, если только они в чем-то правы относительно того, что мы считаем правильным сейчас. Во всяком случае, такая тенденция есть среди взглядов современных комментаторов. Эти авторы, по-видимому, предполагают, что стоики подразумевали развитие формальной логики в направлении современных пропозициональных исчислений, и их соответствующее оценивание логики стоиков можно рассматривать как зависящее от оценки того, в какой степени они приблизились к этой цели» (O'Toole, Jennings 2004, 398). Речь здесь идёт о характере формальных исчислений, которые вполне можно уподобить аксиоматическим подходам в современной логике, берущим начало от Г. Фреге. Построения стоиков с их фиксацией первоначальных правил вывода с последующим выведением из них других правил вполне аналогичны современным подходам. Но в какой степени аналогии подобного рода совместимы с другими взглядами стоиков и Г. Фреге?

Следствием структурных аналогий между взглядами стоиков и Г. Фреге на пропозициональную логику и природу логического вывода с точки зрения формальных исчислений явилось то, что и другие их теории, в частности, в сфере логической семантики, стали рассматриваться с точки зрения структурного сходства. Подобного рода аналогии распространились с легкой руки Б. Мейтса, который в своей, ставшей классической по истории логики стоиков книге, писал: «Есть интересные сходства между семантикой стоиков и некоторыми современными теориями, в частности, теориями Фреге и Карнапа. Цель здесь, как и везде в этом исследовании, дать подлинную картину вклада стоиков, а не попытаться показать, что нет ничего нового под Солнцем. Относительно теории Фреге мы будем ссылаться на его статью, которая долго игнори-

ровалась, но которая явилась источником многих примеров и существенных аргументов в современной дискуссии между Карнапом, Куайном, Чёрчем и другими» (Mates 1961, 19). Здесь мы не будем рассматривать все идеи Мейтса, особенно те, которые не относятся к Г. Фреге, но характеризуют в значительной степени проппонентов и оппонетов последнего. Структурная аналогия Мейтса касается, прежде всего, Г. Фреге, на ней и остановимся.

Основная идея Мейтса заключается как раз в том, что между взглядами стоиков и теорией Г. Фреге о структуре значения в рамках логических исчислений есть структурное сходство. Как пишет Мейтс: «Фундаментальное различие у стоиков есть между *to sêmeion*, *to lekton* и *to tynkhanon*. Это, во многих отношениях соответствует различию, которое проводил Г. Фреге между *Zeichen – Sinn – Bedeutung*... То, что понятия *to sêmeion* и *Zeichen*... совпадают – нет сомнения. В отношении к *to lekton* и *Sinn*, однако, нет полного согласия» (Mates 1961, 22). Но отсутствие полного согласия, как раз и порождает вопрос о том, в каком отношении *Sinn* у Фреге находится к *to lekton* у стоиков.

Аналогия, проводимая Мейтсом, основывается на том, что *to lekton* у стоиков и *Sinn* у Фреге есть нечто такое, что опосредует отношение знака к обозначаемому им предмету. И в том, и в другом случае это отношение соответствует отношению наименования, которое ныне описывается в рамках так называемого семантического треугольника: Знак – Смысл – Предметное значение. В современной формальной логике это отношение имеет чисто структурный характер и принимается практически всеми исследователями в области логической семантики. Однако есть и особенности. Эти особенности касаются, прежде всего, природы смысла, его логического, эпистемологического и онтологического статусов. Эти статусы определяют позицию в философии логики и математики, поскольку, во-первых, необходимо определить ту роль, которую может играть категория смысла в логической, т. е. сугубо формальной, структуре знания. Во-вторых, с точки зрения эпистемологической необходимо выяснить, как категория смысла влияет на понимание соотношения знака со своим значением. И, в-третьих, возникает онтологический вопрос о том, что же представляют собой сами смыслы. Ответы на эти вопросы, очевидно, зависят друг от друга. Однако, пока речь идёт только о структурной аналогии и формальных соответствиях, остановимся на том понимании категории смысла, которое непосредственно связано со взглядами Фреге. Например, А. Чёрч, на которого ссылается Мейтс в вопросе об отношении наименования и который был приверженцем Фреге, определяет смысл как то, что бывает понято, когда усвоено языковое выражение (Чёрч 1960, 31). В отношении наименования знак выражает свой смысл и обозначает своё предметное значение. В этом определении ещё нет решения поставленных вопросов, поэтому на нём и будем основываться.

Для того, чтобы прояснить характер аналогии, предложенной Мейтсом, рассмотрим, некоторые аспекты семантической теории Фреге, которые позволили эту аналогию провести. Понятие *Sinn* у Фреге связано с отношением

наименования тех категорий знаков, которые он называет собственными именами и под которыми понимает любое выражение, имеющее предметное значение в виде реальной вещи, т.е. не только имена в собственно лингвистическом смысле, но и описательные выражения, однозначно указывающие на свой предмет. В качестве отправной точки он избирает проблему, касающуюся отношения тождества, когда используются два различных имени, имеющих одинаковое предметное значение. На первый взгляд отношение тождества можно связать либо с отношением знаков, либо с отношением вещей, но Фреге отвергает и то, и другое. Действительно, если предположить, что отношение тождества – это отношение между различными обозначениями одного и того же, то тогда всё сводилось бы к различию между самими знаками, что не имело бы никакой эвристической ценности, поскольку система знаков произвольна. Однако, если бы тождество сводилось к совпадению предмета с самим собой, т.е. утверждало бы нечто подобное “ $a = a$ ”, то установление подобного отношения также не имело бы познавательного значения, так как соответствующее суждение было бы аналитическим, в смысле Канта, и не содержало бы никакого приращения знания. Тождественность предмета самому себе есть отправной пункт всякого познания, а не его результат. Когда же мы говорим, что “ $a = b$ ”, мы утверждаем нечто явно отличное от “ $a = a$ ” в виду различной эвристической ценности этих выражений. Как, считает Фреге, «различие может иметь место лишь тогда, когда различие знаков соответствует различию в том, каким способом задано обозначаемое» (Фреге 2000b, 230).

К примеру, возьмём два выражения ‘Утренняя звезда’ и ‘Вечерняя звезда’, которые очевидно имеют одинаковое предметное значение, которым выступает планета Венера. Утверждение о том, что Утренняя звезда есть Вечерняя звезда, свидетельствует не о равенстве двух способов обозначения одного предметного значения, и не о тождественности планеты Венера самой себе. Наоборот, «напрашивается мысль связать с каждым знаком (именем, словесным оборотом, письменным знаком), помимо обозначаемого – его мы будем называть значением знака, – также и то, что я назвал бы смыслом знака и в чём выражается конкретный способ задания обозначаемого» (Фреге 2000b, 231). Таким образом, если мы намереваемся правильно решить проблему тождества, необходимо допустить ещё один компонент, характеризующий отношение наименования, то есть отношение между знаком и его предметным значением. Таким компонентом является выраженный в языке способ указания на предметное значение, который не есть собственно языковая оболочка и не есть предмет объективной реальности, а отличается и от того, и от другого. Этому третьему элементу отношения наименования, смыслу, Фреге отводит эвристическую функцию приращения знания.

Особенностью концепции *Sinn* у Фреге является то, что он приписывает смысл не только тем знакам, которые он считает именами собственными, но и другим категориям знаков. Важнейшим принципом различения категорий знаков для Фреге был принцип их законченности или полноты, в том смысле, в

котором мы можем указать на их самостоятельное предметное значение. В этом отношении Фреге различает имена собственные, т. е. знаки, обозначающие конкретные предметы реального мира, и функциональные выражения, которые получают своё значение в контексте предложения. Например, имя 'Венера' имеет самостоятельное предметное значение, обозначая конкретный объект реального мира. Но вот с языковым выражением 'быть телом, освещаемым Солнцем' дела обстоят сложнее, поскольку определить непосредственно предметное значение такого выражения затруднительно. Это выражение, с точки зрения Фреге, должно трактоваться как такой знак, который может получить предметное значение только в контексте предложения "Венера есть тело, освещаемое Солнцем". И только в рамках этого последнего нужно различать категории выражений. Имя 'Венера' обозначает конкретный объект материального мира, но выражение 'быть телом, освещаемым Солнцем' должно трактоваться иначе. Это выражение, как говорит Фреге, является ненасыщенным (*ungesättigt*), и его должно отличать от полного выражения, т. е. собственного имени, поскольку в нём наличествует некоторая неполнота, пробел, на который при надлежащей записи должна указывать переменная. Надлежащая запись этого знака, если использовать x в качестве переменной, должна выглядеть следующим образом: ' x – тело, освещаемое Солнцем' (Фреге 2000а).

Ненасыщенность в области знаков относится не к знакам самим по себе. Здесь также необходимо различать знак и обозначаемый им внеязыковой объект. Предметным значением выражений подобного рода, которые Фреге называет функциональными, и которые ныне называют предикатами, Фреге считает функции, которые имеют объективную природу и должны включаться в онтологию объектов наряду с предметным значением собственных имён. Особенностью функций также является их ненасыщенность, неполнота, которая, для их полного понимания, требует дополнения некоторым предметным значением, обозначаемым собственным именем. Таким образом, имена собственные, поскольку они лишь дополняют ненасыщенные знаки функций, – это не единственная категория полных знаков. Ещё одной такой категорией выражений являются предложения, которые образуются тогда, когда на место переменной в функциональном выражении подставляется собственное имя. Например, если на место переменной x в ' x – тело, освещаемое Солнцем' подставить имя 'Венера', то получится полное выражение "Венера – это тело, освещаемое Солнцем". На место переменных могут подставляться разные имена, что может приводить к варьированию истинностного значения предложений. В отличие от предыдущего предложения, которое истинно, предложение, в котором на место переменной x подставлено имя 'Сириус', предложение "Сириус – это тело, освещаемое Солнцем" будет ложным.

Если *Sinn* – категория универсальная, то необходимо установить, что является предметным значением и смыслом той категории полных знаков, которые называются предложениями. Всякое повествовательное предложение, считает Фреге, содержит мысль (*Gedanke*), которая понимается как то, что может быть

достоянием тех, кто понимает предложение. Является ли эта мысль предметным значением, о котором говорит предложение? Если бы это было так, тогда замена одного из компонентов предложения на другое с тем же самым предметным значением, но другим смыслом не оказывала бы влияние на предметное значение всего предложения. Однако, например, если в предложении “Утренняя звезда – это тело, освещаемое Солнцем” заменить имя ‘Утренняя звезда’ на имя ‘Вечерняя звезда’, мысль, выраженная в предложении, очевидно, изменится. Предметное значение же должно оставаться инвариантным. Поэтому, выраженную предложением мысль следует считать его смыслом. Но что же остаётся инвариантным? В предложениях “Утренняя звезда – это тело, освещаемое Солнцем” и “Вечерняя звезда – это тело, освещаемое Солнцем” инвариантным остаётся то, что оба этих предложения являются истинными, поэтому следует признать, что значением предложения является его истинностное значение. Фреге говорит: «Под истинностным значением – значением истинности предложения я понимаю то, что оно истинно, либо ложно. Других значений истинности не бывает. Для краткости я называю одно из этих значений – истинной, истинностью, другое – ложью, ложностью. На каждое утвердительно-повествовательное предложение, относительно которого ставится вопрос о значении его слов, надо смотреть таким образом как на собственное имя, причем на такое, значение которого, если таковое существует, есть либо истина, либо ложь» (Фреге 2000b, 235). Фреге предлагает номинативную теорию предложений, где истина и ложь рассматриваются как особые предметы, именами которых являются предложения. В этом смысле класс имён расширяется. Именами такого, пусть и абстрактного, предмета, как истина, являются все истинные предложения, а именами такого предмета, как ложь, – все ложные предложения. Различаются же предложения выраженной в них мыслью (*Gedanke*), которая по-разному указывает на значение, выполняя функцию смысла, как определено выше. В этом отношении, *Gedanke* является частным случаем более общей категории *Sinn*.

Категория *Sinn* соответствует и ненасыщенным, функциональным знакам. Это является следствием исповедуемых Фреге принципов композициональности и контекстности языкового значения, как предметного, так и смыслового. Принцип композициональности говорит, что предметное значение и смысл целостного выражения есть функция предметного значения и смысла составляющих его частей, принцип контекстности – что смысл и значение компонентных выражений может быть усвоен только в контексте всего выражения. Согласно Фреге: «О значении слова нужно спрашивать не в его обособленности, а в контексте предложения» (Фреге 2008а, 139). Таким образом, ненасыщенные знаки посредством собственного предметного значения и смысла участвуют в формировании предметного значения и смысла полных знаков.

В целом, теория *Sinn* Фреге, хотя и лежит в основании современной логической семантики, конечно, вызывала и вызывает споры относительно трактовки различных категорий выражений. В частности, интерпретация предложе-

ний как имен истинностных значений оспаривается уже хотя бы потому, что Фреге рассматривает *Истину* и *Ложь*, как своеобразные абстрактные объекты, а вопрос о существовании абстрактных объектов является одной из главных проблем, относительно которой расходятся семантические теории. И это касается не только принятия особых абстрактных объектов. Сущность современных логико-семантических теорий, прежде всего, затрагивает характер элементов в структуре отношения наименования и многие из этих теорий по-иному смотрят на отношение наименования, когда рассматривают структуру обозначения внеязыкового объекта. С точки зрения этих теорий, не всякий знак, который, как представляется, указывает на объект, представляя предметное значение, обладает смыслом. Здесь можно указать уже на теорию определённых дескрипций Б. Рассела, который считает, что никаких опосредующих элементов в отношении наименования между знаком и предметным значением нет, а есть только неверно истолкованная грамматическая структура (Рассел 2007). Концепция жестких десигнаторов С. Крипке, к примеру, также имеет отношение к данному случаю, поскольку прямое именование предметного значения в разных контекстах не предполагает наличие смысла у выражения; знак, в данном случае, просто фиксирует объект (Крипке 1982).

Универсальность категории смысла, связывающего любой знак с обозначаемым, в концепции Фреге отличает его позицию от большинства современных логико-семантических теорий, но она же, с точки зрения Мейтса, сближает его со стоиками. Действительно, *Sinn* и *to lekton* занимают в структуре отношения наименования одну и ту же позицию, поскольку и то, и другое всегда опосредует отношение знака к предметному значению. В сохранившихся свидетельствах (Секст Эмпирик) о доктрине стоиков относительно *to lekton*, последний характеризуется следующим образом: «Неразрывно связаны три вещи: обозначаемое, обозначающее и реальный предмет. Обозначающим, как правило, бывает слово, например 'Дион'. Обозначаемое – та смысловая предметность, выявляемая в слове, которую мы воспринимаем как установившуюся в нашем сознании и которую не воспринимают варвары, хотя они и слышат слово. Наконец, реальный предмет – это внешний объект, например, сам Дион» (ФРС 1999, фр.166). Здесь вполне можно согласиться с утверждением, что: «Фундаментом стоической диалектики является связь между знаком, обозначаемым смыслом и реальным объектом» (Столяров 1995, 69). По сути дела, здесь мы имеем такое же семантическое отношение, как и у Фреге, которое устанавливается между знаком, его предметным значением и тем, что подразумевается, когда этот знак усвоен, т. е. «отношение между лингвистическим знаком и его смыслом» (Graeser 1978, 81), поскольку «то, что подразумевается», вероятно, и есть наиболее буквальный перевод *to lekton*» (Kneale & Kneale 1978, 140). К этому фрагменту из Секста Эмпирика интерпретируемому, с точки зрения Фреге, аналогичным образом, относятся и те, кто, даже будучи несогласен с подобным подходом, всё-таки его допускают: «Секст Эмпирик сообщает нам в этом пассаже, что стоики различали три вещи: то, что обозначает (*to*

tynkhanon), т. е. языковое выражение (phōnē); то, что обозначается (to sēmainomenon), т. е. to lekton; и субъект предикации (to tynkhanon), т. е. внешне существующее (to ektos hupokeimenon). К примеру, то, что обозначает, он записывает выражением 'Дион'. Приняв этот пример, кажется естественным предположить, что существует to lekton, связанный с этим выражением и что можно взять этот to lekton, как нечто подобное его смыслу или значению; кроме того, можно предположить, что референт этого значения есть объект, на который указывают, т. е. сам Дион. Всё это, по-видимому, предполагает семантический анализ to lekton, аналогичный Фреге» (O'Toole, Jennings 2004, 450–451). Так же и Мейтс утверждает, что «to lekton есть то, что подразумевает или обозначает знак, и который мы схватываем (anti....) в близкой связи с нашим интеллектом; опять-таки, это есть то, что варвары не понимают, когда они слышат высказанные греками слова» (Mates 1961, 22). То есть смысл есть то, что сохраняется в различных способах лингвистического выражения. Это вполне аналогично тому, что языковое выражение типа 'Утренняя звезда', хотя в лингвистическом выражении и не соответствует знаку 'Вечерняя звезда', а эти выражения, к тому же, могут быть произнесены на разных языках, указывают на одно и то же предметное значение – планету Венеру.

Таким образом, to lekton в структурной аналогии, предложенной Мейтсом, вполне соответствует *Sinn* у Фреге. Они выполняют одинаковую функцию, опосредуя отношения знака к обозначаемому объекту. Точно так же, как смысл у Фреге задает способ репрезентации обозначаемого знаком объекта, так и to lekton у стоиков есть то, что при возможном различии знаков, представляет один и тот же физический объект.

Структурную аналогию Мейтса можно усилить, если учитывать приписывание смысла различным категориям языковых выражений, в частности, в применении к различию, проводимому Фреге между полными и ненасыщенными выражениями и, соответственно, их полным и ненасыщенным *Sinn*. Аналогично и стоики проводят различие между законченным и незаконченным to lekton. Например, Диоген Лаэртский пишет по этому поводу: «'Лектон' бывают законченные и незаконченные. Незаконченные те, которые имеют неопределённую форму выражения, например: "пишет" (неясно, кто пишет). Законченные – те, которые имеют определённую форму выражения, например: "Сократ пишет"» (ФРС 1999, фр. 181). Он же продолжает: «К незаконченным 'лектон' относятся предикаты, к достаточным – высказывания, умозаключения, общие и специальные вопросы. Предикат – то, что высказывается о чем-то, или то, что синтаксически связывается с одной или многими вещами, или неполный 'лектон', в синтаксическом соединении с субъектом образующий высказывание (axiōta)» (ФРС 1999, фр. 183).

Здесь есть несколько спорных моментов. Например, по сохранившимся свидетельствам трудно судить, считали ли стоики полным смысл имен собственных (возможна и та (Mates 1961, 19), и другая (Столяров 1995, 73) интерпретации), однако трактовка неполного to lekton как предиката, в совокупно-

сти с субъектом образующим полный *to lekton*, вполне соответствуют духу проводимого Фреге различия между смыслом, соответствующим ненасыщенным выражениям, и мыслью, которая выражена в полном предложении. Некоторые проблемы вызывает и приписывание стоиками законченного *to lekton* к умозаклучениям и вопросам. С умозаклучениями, в целом, всё понятно, поскольку стоики рассматривали тот тип умозаклучений, который связан с преобразованием сложных высказываний, основанных на свойствах логически союзов. То же самое мы, в том числе, находим и у Фреге, который, бесспорно считал, что сложные предложения выражают сложную мысль (*Gedankengefüge*), которая образуется различными способами логической связи простых мыслей (Фреге 2008b). Что касается общих и частных вопросов, а также других видов предложений, выражающих приказ, просьбу или желание, Фреге также не отказывал им в наличие *Sinn*, рассматривая его как соответствующее содержание, выраженное в определённом грамматическом наклонении (Фреге 2008с, 32), но отличал от мысли, выраженной в повествовательном предложении, с которой связана истинность и ложность.

Особый интерес как раз вызывает тот законченный *to lekton*, который стоики называют *axiōma* (высказывание), и который, согласно Сексту Эмпирику, является носителем истинного и ложного: «Для того, чтобы могло существовать нечто истинное или ложное, прежде всего должен существовать сам 'лектон', затем он должен быть законченным и не каким попало, но высказыванием (*axiōma*), – потому что, только произнося высказывание, мы высказываем нечто истинное или ложное» (ФРС 1999, фр.187). В этом отношении, высказывание соответствует тому, как Фреге определял смысл повествовательного предложения, связывая его с мыслью, имеющей отношение к истине и лжи. На особую важность высказывания указывает и Диоген Лаэртий, специально отличая его как носителя истины от других законченных *ta lekta*: «И общие и специальные вопросы, и все прочее в этом роде не бывает ни истинным, ни ложным, в то время как высказывания бывают или истинными или ложными» (ФРС 1999, фр.186). По сути дела, приведённые характеристики *axiōma*, как того, что связано с истиной, в логической структуре в определённой степени соответствуют тому, что Фреге понимал под *Gedanke*, если пока не затрагивать специфическую номинативную трактовку у Фреге повествовательных предложений.

Кроме того, незавершённый *to lekton*, или предикат, выражается в рамках завершённого, как сообщает Диоген Лаэртий в цитированных выше фр. 181 и 183, и как незавершённый определяется в рамках того, что является истинным или ложным, т.е. *axiōma*. Можно сказать, что здесь работает нечто аналогичное отмеченным выше принципам контекстности и композициональности у Фреге, согласно которым смысл составных частей может быть усвоен только с точки зрения целого, а в этом отношении и собственным именам, типа “Дион” в “Дион гуляет”, трудно отказать в наличие определённого *to lekton*, независимо от того, будет ли он завершённым, или же нет (Could 1970, 70).

Структурную аналогию Мейтса можно развивать и далее, указывая на дополнительные соответствия. Есть, однако, один момент, который не позволяет достичь полного сходства. Введение *Sinn* было мотивировано у Фреге необходимостью решения совершенно конкретных логико-семантических вопросов, среди которых, помимо указанной выше проблемы тождества, были также проблемы, связанные с функционированием пустых имён и спецификой косвенных или непрозрачных контекстов (Фреге 2000b). У стоиков мы такой мотивации не найдём, что, вполне возможно связано со скудостью сохранившихся свидетельств. Тем не менее, аналогия всё равно впечатляет.

И всё-таки остаётся вопрос о том, насколько структурная аналогия может свидетельствовать о доктринальном сходстве? Под доктринальным сходством здесь понимается не просто структурное соответствие системы терминов, которое есть лишь гомоморфное отображение одной системы терминов в другую, но, как указывалось выше, соответствие онтологических, эпистемологических и логических статусов тех сущностей, о которых идёт речь. И этот вопрос играет немаловажную, если не определяющую роль, поскольку структурная аналогия ничего не значит для характеристики философского содержания систем, касающихся природы сущностей, пусть и занимающих сходное место в структуре. Наоборот, с помощью сходства подобного рода иногда гораздо лучше иллюстрировать доктринальные различия. Как у Фреге, так и у стоиков отношение между знаком, смыслом и предметным значением не ограничивается сугубо лингвистической и логической структурой, но играет важные онтологические и эпистемические роли. Сошлёмся здесь, к примеру, на следующее мнение, с которым трудно не согласиться: «Разум и язык связаны неразрывно. Наша способность говорить о мире есть внутренняя часть и проводник нашей рациональности, а не просто случайный придаток. Именно выражение внутреннего структурирования посредством *ta lekta* объясняет то, как выражения могут быть объектами рационального оценивания или суждения и как они могут быть сообщены или объяснены другим» (Atherton 2008, 92). Присоединяясь к этой точке зрения, отметим, что онтологический, эпистемологический и логический статус *Sinn* в семантической теории Фреге и *to lekton* в философии стоиков настолько различны, что ни о каком доктринальном сходстве речи идти не может. Анализ этих различий является предметом следующей статьи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Котарбинский, Т. (2000) *Лекции по истории логики*. Пер. с польского М. М. Гуренко, К.Н. Киселёвой и др., общая редакция И. С. Нарского. Биробиджан.
- Крипке, С. (1982) «Тождество и необходимость», *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII*. Пер. с англ. под ред. Н. Д. Арутюновой. Москва: 340–376.
- Лукасевич, Я. (2000) *Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики*. Пер. с англ. Н. И. Стяжкина и А. А. Субботина, общая редакция П. С. Попова. Биробиджан.

- Рассел, Б. (2007) «Об обозначении», Рассел Б. *Избранные труды*. Пер. с англ. В. А. Суровцева. Новосибирск: 18–32.
- Столяров, А. А. (1995) *Стоя и стоицизм*. Москва.
- Фреге, Г. (2000a) «Функция и понятие», Фреге, Г. *Логика и логическая семантика*. Пер. с нем. Б. В. Бирюкова. Москва: 215–229.
- Фреге, Г. (2000b) «О смысле и значении», Фреге, Г. *Логика и логическая семантика*. Пер. с нем. Б. В. Бирюкова. Москва: 230–246.
- Фреге, Г. (2008a) «Основоположения арифметики», Фреге, Г. *Логико-философские труды*. Пер. с нем. В. А. Суровцева. Новосибирск: 125–238.
- Фреге, Г. (2008b) «Логические исследования. Часть третья: Сложная мысль», Фреге, Г. *Логико-философские труды*. Пер. с нем. В. А. Суровцева. Новосибирск: 74–96.
- Фреге, Г. (2008c) «Мысль: Логическое исследование», Фреге, Г. *Логико-философские труды*. Пер. с нем. В. А. Суровцева. Новосибирск: 28–54.
- ФРС (1999) Столяров А. А., пер. *Фрагменты ранних стоиков*. Т. II. Часть 1. Москва.
- Чёрч, А. (1960) *Введение в математическую логику*. Пер. с англ. В. С. Чернявского под редакцией В. А. Успенского. Москва.
- Atherton, C. (2008) *The Stoics on Ambiguity*. Cambridge.
- Gould, J. B. (1970) *The Philosophy of Chrysippus*. Albany.
- Graeser, A. (1978) “The Stoic theory of meanings,” J. M. Rist, ed. *The Stoics*. Berkeley and Los Angeles: 77–100.
- Kneale, W., Kneale, M. (1978) *Development of Logic*. Oxford.
- Mates, B. (1961) *Stoic Logic*. Berkeley and Los Angeles.
- O’Toole R. R., Jennings, R. E. (2004) “The Megarians and the Stoics,” *Handbook of the History of Logic*. Vol. 1 (ed. D. M. Gabbay and J. Woods). Elsevier.